

Я невольно крепко обнял Сыжаня. В самый разгар этого радостного мгновения мне вдруг показалось, чего-то не хватает. Потоптавшись на месте, я наконец вспомнил, принял серьёзный вид и спросил:

— А где Фэн Инь? Почему его не видно?

Если бы об этом узнал кто-то посторонний, добра не жди. Прежде всего, трудно было бы отстоять императорское достоинство.

— Пока ты витал в облаках, его уже забрал какой-то младший стражник. Наверное, он уже вернулся в свои покои, — его персиковые глаза слегка сузились. — Что? Стоило ему исчезнуть на мгновение, как ты уже по нему соскучился?

Сыжань сейчас... ревнует? Да-да-да, он определённо ревнует! Даже если не ревнует, всё равно ревнует, просто обязан ревновать!

Я принял ещё более строгий вид и с самым серьёзным выражением лица ответил:

— Соскучиться — соскучился, а вот тосковать не обязательно.

— Ты... — издав холодный смешок, Сыжань отвернулся и выпроводил меня вон: — Позднецо уже, императорскому дяде пора бы и в поместье возвращаться. У меня тут дела государственной важности, так что провожать не буду.

— Время ещё раннее, куда спешить? — я устроился на деревянном стуле неподалёку, сам себе налил чаю и лениво принялся помешивать плавающие на поверхности листочки. — Разве государственные доклады не император читает? Право слово, не знаю уж, какие там у Сыжаня важные дела.

Сыжань на мгновение потерял дар речи. Он резко обернулся, уставился на меня и, словно выражая недовольство, уселся на соседнее место. Налил себе чаю, взял чашку в руки, но, вероятно, вовсе не испытывал жажды: так и держал её, не делая ни глотка, не пригубляя, и хранил абсолютное молчание.

Так мы и сидели, потягивая чай чашка за чашкой и коротая время, пока одна банка отборного чая не подошла к концу и не пришлось заваривать новую. Солнце на синеве неба, видимо, тоже утомилося, так что оно застенчиво скатилось за западный горизонт.

— Императорский дядя, уже поздно, возвращайся-ка в поместье, — глядя на закат, произнёс Сыжань.

— Почему ты всё ещё зовишь меня императорским дядей? Называй меня Цзы Цин. Цзы Цин звучит куда приятнее, чем дядя. Сам подумай: дядя да дядя, как-то чужой совсем, — я с самым

серьезным видом выпрямился, изобразив на лице предельную важность.

— Цзы Цин... — с явной неохотой проговорил Сыжань. Но, к счастью, с этого момента, когда рядом не было посторонних, он сменил обращение.

— Сыжань, — глядя на закатное солнце и посеревшее небо, я скорчил жалобную мордашку. — Посмотри, время-то какое позднее. Если я сейчас отправлюсь назад, то, пожалуй, еще до середины пути совсем стемнеет. В такой темноте, если вдруг встретятся лихие разбойники, воры или какая-нибудь нечисть с демонами, боюсь, и жизни моей конец.

— Лихие разбойники и воры? Да разве с боевыми искусствами Цзы Цина стоит кого-то бояться? — издав холодный смешок, Сыжань приподнял бровь и парировал: — Нечисть и демоны? Скорее уж ты просто наслушался всяких деревенских байок. Откуда в этом мире взяться всякой нечисти?

Всякая нечисть и демоны... Я-то в них, конечно, не верил. Просто мне непременно нужно было найти предлог, чтобы остаться! Сыжань, как ты мог...

Тихо кашлянув, я не оставлял попыток отыскать повод остаться на ночь:

— На самом деле, Сыжань, я с малых лет боюсь темноты. Время уже позднее, я поистине не осмеливаюсь пускаться в ночной путь.

— С каких это пор я не слыхивал, чтобы Цзы Цин с детства боялся темноты? Интересно, кто это в детстве таскал меня повсюду ловить сверчков во втором часу ночи? — Сыжань бросил на меня взгляд, заметив, как сильно я огорчился из-за того, что мой предлог разоблачили, и вздохнул. — Ладно. Эй, кто там! Ступайте в Поместье князя Си и передайте, мол, время слишком позднее, императорский дядя останется ночевать у меня.

— Слушаюсь, — почтительно отозвался слуга, развернулся и выбежал из Восточного двора.

— Эй, приготовьте для императорского дяди флигель.

Услышав «слушаюсь» от служанки, та уже собралась удалиться, но я поспешно её остановил:

— Флигель ни к чему. Сыжань, я думаю, мы вполне сможем потесниться на одной кровати, правда?

Спустя мгновение Сыжань всё-таки кивнул, и моё отчаянно колотившееся сердце наконец успокоилось.

— Воды. Я буду купаться, — он сделал паузу и добавил: — И для императорского дяди тоже.

Когда мы оба закончили омовения, я с самым довольным видом направился в спальню и рухнул на широкую кровать, устланную простынями с вышитыми золотыми маленькими драконами, испытав всеобъемлющее блаженство.

Повсюду витал присущий только Сыжаню чистый аромат...

Мой взгляд упал на уголок книги, выглядывавшей из-под подушки. До чего же Сыжань усерден, оказывается, он читает даже перед сном!

Одержимый любопытством, я вытащил из-под подушки эту книгу. Стоило мне раскрыть страницы, как тело моё замерло, а руки, державшие фолиант, и плечи затряслись в неудержимом порыве.

— Что такое? Ты что де... делаешь... — что именно?

Сыжань протянул руку из-за моей спины и похлопал меня по плечу. В конце концов я отложил в сторону Сказание о Цзяньцине с Красных Клёнов, замаскированное под обложку Четверокнижия и Пятикнижия, и зажал рот рукой, не в силах сдержать рвущийся наружу смех. Вопрос ещё не успел сорваться с его губ, как лицо Сыжана от моего хохота помрачнело пуще прежнего. Он выхватил у меня из рук биографию мастера боевых искусств, издал холодный смешок и, облаченный лишь в нижнюю сорочку, лёг на кровать спиной ко мне, наотрез отказавшись разговаривать.

— Ну Сыжань, хорош же ты! Будучи наследным принцем, читаешь подобные народные романы о боевых искусствах. Страшно представить, в какой гнев придёт император, если узнает об этом, — поддразнил я его, однако Сыжань, казалось, и вовсе не слышал моих слов: он по-прежнему лежал на боку, не делая ни малейшего движения.

Я подполз ближе и похлопал его по спине. Он в ответ взмахнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

— Я же шучу, неужели можно так сильно сердиться? — я приподнял бровь и перестал поддразнивать его.

В ответ мне досталось молчание, от которого можно было умереть со скуки.

Делать было нечего, пришлось прибегнуть к секретному оружию: я принялся щекотать Сыжана в тех местах, где он боялся щекотки. Тот зашелся беззвучным смехом, резко перевернулся и сел, уголки его губ подрагивали в улыбке, а лицо было чернее тучи. Я нервно хихикнул, послушно лёг обратно, сделал вид, будто ничего не произошло, натянул одеяло с головой — и спать.

Я чувствовал, как сверху на меня падает обжигающий взгляд, в котором читалось

непреодолимое желание пинком сбросить меня с кровати. Этот взгляд замер на мне надолго, но после тяжкого вздоха Сыжань всё же оставил свои намерения.

Задув свечу, он медленно лег навзничь. Я откинул наброшенное на голову одеяло, повернулся на бок и прижался к Сыжаню. Тот сперва неуютно заворочался, но вскоре затих, позволяя мне делать всё, что вздумается. Пошарив рукой в темноте, я еле слышно вздохнул:

— Сыжань, ты слишком худой, обнимать тебя даже как-то жестковато...

Слово «рука» еще вертелось у меня на языке, как Сыжань издал холодный звук и отвернулся. Спустя некоторое время, прислушиваясь к его размеренному дыханию, я неторопливо переложил руку обратно, обнял Сыжана и уткнулся носом ему в плечо. Вдыхая его приятный аромат, я постепенно погрузился в сон. Ночь выдалась на редкость спокойной.

Ранним утром меня разбудил Сыжань. Еще до конца не проснувшись, я поддался лени и растерянности, проявил ребячество и наотрез отказался вставать, бесстыдно заставив Сыжана самого одеть меня. Сначала он выказал недовольство, потом смирился, а затем и вовсе стал относиться ко мне как к капризному ребёнку — стерпел мои шалости и сам затянул на мне пояса и одежды.

Приведя себя в порядок и позавтракав, мы с Сыжанем снова принялись дурачиться и резвиться, и лишь когда забрезчил час *сюй*, я с тяжелым сердцем неохотно вернулся в Поместье князя Си.

Возвращаться ужасно не хотелось. Прошлой ночью я не ночевал дома — и пусть даже Сыжань велел слугам всё передать, по возвращении меня неизбежно ждала знатная порция наказания. Знал бы раньше, ни за что не послушался бы Сыжана и не вернулся в Поместье князя Си. Уж лучше потерять лицо и бесстыдно тереться у Сыжана, чем возвращаться домой под домашнюю порку.

И верно: едва я переступил порог поместья, как матушка восседала на главном месте с мрачным, темнее тучи лицом, от которого веяло грозovým гневом. Служанки с домашними розгами в руках выстроились по обе стороны от неё; лица у них были строгие, но в глазах читалось предвкушение хорошего представления. Наверное, долго служа при матушке, они переняли её неизменную надменность.

Разумно рассудив, я послушно опустился на колени и выслушал матушкину отповедь:

— Мало того, что не ночевал дома, так ещё и провёл всю ночь вне стен поместья! Хоть наследный принц и присылал людей с докладом, тебе не следовало оставаться в Восточном дворце. Ты же мешаешь принцу усердно учиться, разве Цзы Цин этого не понимает?

— Сыновнее сердце всё осознало, — вновь эти нравоучения. Ах, матушка, матушка.

— Наказываю тебе простоять на коленях перед статуей Гуаньинь всю ночь, обдумывая своё поведение, и без ужина!

— ...Слушаюсь, — скрепя сердце отозвался я, отправился в маленькую комнатку, где почитали Гуаньинь, и опустился на колени прямо перед ликом бодхисаттвы.

Обдумывать поведение? Чушь какая! Я ведь не сделал ничего дурного, чтобы в чём-то раскаиваться.

Эх, и снова остался без ужина. Матушка и впрямь невероятно сурова, я уже начинаю сомневаться, родная ли она мне мать.

Простояв на коленях до самого раннего утра и заметив забравшийся в комнатку лучик солнца, я подумал, что матушка, скорее всего, уже давно позавтракала. Потирая онемевшие от долгих часов на коленях ноги, я лишь спустя долгое время смог подняться. Рукавом смахнув с коленей немногочисленную пыль, я хромая поплевался на кухню и попросил кухарку приготовить мне поесть. Подкрепившись, я — ничуть не раскаиваясь в содеянном — снова направился в покои Сыжана.

Странная картина предстала моим глазам: Сыжань сидел на почетном месте в гостиной, хмурая брови и глубоко о чём-то задумавшись. В руках он держал книгу, но взгляд его явно витал где-то далеко. Я шагнул вперед, налил себе чаю и сделал пару глотков, утоляя жажду.

— Отчего у тебя такой несчастный вид? Что-то случилось?

Спустя мгновение он пришёл в себя, лениво бросил на меня взгляд, отложил свиток и тяжело вздохнул:

— Сегодня послы из сопредельного государства прибыли ко двору с требованием заключить брак с одним из принцев нашей страны. И... отец дал согласие.

— Брак? И кого же выбрали? — небрежно бросил я. И тут же до меня дошло — я совершенно не понимал Сыжана. С какой стати из-за какого-то там брака он так расстроился? Ведь женят-то не его... погодите-ка! Брак?!

Мысль эта обожгла меня, и я в ужасе замер. Неужели всё так совпало?

— Меня, — разомкнув губы, произвел Сыжань. И едва это слово сорвалось с его губ, выражение его лица стало ещё более мрачным и угрюмым.

— Ты согласился? — моё сердце пропустило удар, я испуганно посмотрел на него. Если он согласился, то не превращаются ли слова, сказанные Сыжанем пару дней назад, в пустую шутку?

Сыжань приложил руку ко лбу и вздохнул:

— Императорскому приказу нельзя не подчиниться.

— Сыжань, неужели ты... не любишь меня? — тревога охватила меня с новой силой. Если он не любит меня, то зачем тогда дал согласие?

— Люблю, — щёки Сыжаня покраснели, и он торопливо плеснул себе чаю в чашку, чтобы скрыть смущение.

От этих слов мое воспарявшее сердце наконец опустилось на землю.

— Но императорской воле противиться нельзя, и я ничего не могу поделать, — он опустил чашку, и напущная тоска вновь завладела им.

В этот момент мне вспомнился уголок книги, спрятанный под подушкой у Сыжаня, и в голове мгновенно созрел план.

— Сыжань, тебе ведь очень нравится тот мир цзянху из Сказания о Цзяньцине с Красных Клёнов?

— Мгм, нравится, — Сыжань на мгновение замер, а затем озадаченно спросил: — К чему ты клонишь, Цзы Цин?

Я улыбнулся, наклонился к самому его уху и шепнул:

— Это значит — давай сбежим! Заодно и воочию увидим то цзянху, о котором ты так мечтаешь.

Сыжань на миг опешил от моих слов, его персиковые глаза сузились, и с губ слетело заветное согласие.

То была юношеская дерзость: стремясь лишь избежать надвигающейся напасти, мы отринули все будущие трудности и дали друг другу это обещание, ни на секунду не пожадав о содеянном.

— Сыжань, а есть ли способ покинуть дворец незаметно? — спросил я.

— Не переживай, Цзы Цин, у меня найдется способ уйти из дворца так, чтобы нас никто не узнал, — улыбнулся Сыжань, и в его голосе звучала стопроцентная уверенность.

— Сыжань, если хочешь, передумать еще не поздно, — я заглянул ему в глаза, сохраняя

редкую для себя серьёзность.

— С чего бы мне передумывать? — улыбнулся Сыжань с полнейшим спокойствием.

— Что ж, этого наследного принца я точно умыкну. В следующий раз, если надумаешь отступить, я тебе уже не позволю, — рассмеялся я.

— Я, Фэн Сыжань, в делах своих назад не отступаю.

Мы еще долго перешучивались и смеялись, пока первоначальная тревога и напряжение не рассеялись. Договорившись встретиться за пределами императорского города, мы расстались: я вернулся в Поместье князя Си, переоделся в простые белые одежды, захватил с собой побольше серебра и поспешил к оговоренному углу за городской стеной, где затаился в тени в ожидании Сыжаня.

Прошел целый час, а Сыжаня всё не было. Неужели передумал? Или его разоблачили... Чем дольше я ждал, тем тревожнее и безумнее становились мои мысли. Если с Сыжанем что-то случится, какой тогда смысл мне жить дальше?

В тот самый момент, когда я уже был готов броситься обратно во дворец на его поиски, кто-то сзади тронул меня за плечо, и в ушах раздался знакомый мягкий голос:

— И что же ты задумался? — с легкой насмешкой произнес он.

— Во дворец собрался, тебя искать, — усмехнулся я. — Впрочем, теперь уже не нужно.

— Чего же ты здесь торчишь, заставил нас так долго искать тебя? — Сыжань приподнял бровь, выражая легкое недовольство.

— Не сердись, не сердись, светиться лишний раз ведь ни к чему~ — хихикнул я, но тут же опешил: — Нас?

— Фэн Инь! — в поле зрения попал Фэн Инь, одетый в платье маленькой дворцовой служанки. Его нежные губы были крепко сжаты, пальцы нервно теребили подол одежды, выдавая сильное волнение. Я сдержал улыбку и озадаченно спросил: — А Фэн Инь-то почему тоже здесь?

— Оставить Фэн Иня во дворце — значит обречь его на издевательства, вот я и прихватил его с собой... — уголки губ Сыжаня тронула изящная улыбка.

— Ну ты и добряк, Сыжань... Ты ведь не на прогулку собрался...

Я скривил рот, выдавив кислую улыбку. Ладно, раз уж всё зашло так далеко, толку теперь причитать.

Я уже открыл рот, собираясь сказать еще что-то, но Сыжань легонько коснулся пальцем своих розовых губ, призывая к молчанию, и тихо проговорил:

— Поговорим обо всём потом, сначала уйдём отсюда.

Я кивнул в знак согласия, и вместе с Сыжанем и Фэн Инем мы покинули пределы императорской столицы. Путь наш лежал на юг, мы делали остановки и ночевали на постоянных дворах, и лишь месяц спустя, когда мы окончательно покинули Цзинду, погоня немного отстала.

По дороге нам то и дело попадались правительственные отряды стражников. Как-то раз, сидя под навесом чайного столика, мы услышали от бродячих мастеров боевых искусств разговоры о том, что за последние дни число солдат резко увеличилось из-за побега кого-то из императорского дворца. Ко именно сбежал, они толком не знали, но сходились на том, что это был человек влиятельный и знатный — возможно, даже одна из наложниц нынешнего императора.

Услышав это, мы с Сыжанем лишь переглянулись, молча отпили чай и не стали вдаваться в подробности.

Шел конец лета, приближалась ранняя осень. Добравшись до одного небольшого городка, мы заметили, что наши с Сыжанем и Фэн Инем одежды по ночам стали маловаты и прохладны. Заглянув в лавку тканей, мы обзавелись парой новых нарядов, а затем нашли постоянный двор для ночлега. Стоило отдать должное детскому чтению биографий знаменитых мужей: пусть побег из дома был для нас в новинку, полными профанами мы не были — по крайней мере, серебра в дорогу взяли с избытком.

Весь этот месяц Фэн Инь по-прежнему был немногословен и застенчив, словно юная дева. Возможно, он ещё не оправился от недавней потери матушки, а возможно, мы с Сыжанем казались ему недостаточно близкими людьми. Зато Сыжань всю дорогу пылал энтузиазмом, и улыбка не сходила с его губ.

Бросив дорожный узел на обеденный стол, я отогнал от себя мысли и заказал несколько фирменных блюд постоянного двора. Пока нам несли еду, мы попивали чай. Сыжань поступал точно так же, и лишь Фэн Инь сидел, опустив голову, и под столом тербил пальцами край одежды. Я вздохнул: судя по всему, ему снова было не по себе.

Как только слуга расставил на столе тарелки с едой, я уже занёс палочки, намереваясь убаготворить свой протестующий с самого утра желудок, как вдруг тяжелая парадная дверь с грохотом распахнулась от сильного пинка. Какой-то лощёный повеса в окружении нескольких слуг ввалился внутрь. Его вороватые глазки бегло оглядели всех присутствующих в зале и остановились на нашем столике. Махнув рукой, молодой господин отдал приказ, и его

подручные с криками принялись выгонять остальных постояльцев, оставив в зале лишь нас троих. Хозяин заведения, увидев это, от страха присел на корточки за стойкой.

Улыбаясь, я положил в тарелку Сыжаня немного еды, тот в ответ положил кусочек мне, а Фэн Инь просто сидел и тихо ел. Мы держали себя так непринужденно, словно ничего особенного и не произошло.

Этот человек подошел к нашему столу, и его наглые лапы тут же легли на плечи Фэн Иню, извергая изо рта грязные сальные речи. Фэн Инь вздрогнул и с отчаянием посмотрел на меня.

Я вытащил одну палочку для еды и со всего маху ударил ею по этим мерзким рукам. Тот завопил от боли и отдернул лапы. Заметив это, слуги подняли крик и бросились в драку. Но стоило их господину взмахнуть рукой, как его загребушие ручонки снова потянулись к Сыжаню. Тут моё терпение лопнуло.

Вскочив на ноги, я крутанул руку наглеца так, что сустав вылетел из паза, нахмурился и предупредил:

— Посмел тронуть не того! Ха, лучше не попадайся мне на глаза во второй раз, в следующий раз тебе так не повезет.

Потирая вывихнутое запястье и скрежеща зубами от боли, негодяй приказал слугам перевернуть наш стол и пустить в ход кулаки. Однако эти недоумки, не владеющие и основами простейших боевых искусств, разумеется, не могли тягаться со мной: пара мгновений — и они уже валялись на полу. Подумать только, если бы я не смог одолеть такую шпану, к чему тогда были все мои годы тренировок?

Я схватил его за воротник. От этого движения негодяй затрясся в мелкой дрожи и принялся молить о пощаде: мол, пощадите героя. Я пропустил его вопли мимо ушей, бросил взгляд на разбросанную по полу еду и приподнял бровь:

— Ты испортил нам обед. Плати за убытки!

Наблюдавший за представлением со стороны Сыжань тихонько прыснул от смеха. Фэн Инь замер на месте, да и сам схваченный за воротник молодец растерянно хлопал глазами.

— Слышал? Живо гони деньги, из-за тебя мне пришлось тратить серебро впустую, — капризно протянул я, теряя терпение.

Едва слова сорвались с моих губ, как негодяй дрожащими руками вытащил из рукава серебряный слиток и протянул его мне обеими руками. Я разжал пальцы на его воротнике, с довольным видом забрал серебро, вместе с Сыжанем и Фэн Инем пересел за другой столик и велел выглянувшему из-за стойки хозяйшке повторить весь заказ. А тот парень со своими

слугами тем временем кое-как поднялся на ноги и бросился наутёк, но, уже выбегая из постоянного двора, не забыл бросить через плечо:

— Мой отец — уездный начальник! Ждите! Я еще вернусь за местию!

Ждать? С чего бы мне быть глупцом и оставаться на месте ради чьей-то мести? Искать проблем на свою голову я не собирался.

— Сын какого-то захудалого уездного чиновника, а смеет вести себя столь нагло, — изящные брови Сыжаня слегка сошлись на переносице, в голосе сквозило глубочайшее недовольство.

— Остынь, остынь, к чему забивать голову всякой ерундой, — улыбнулся я, не придавая случившемуся никакого значения.

Сыжань кивнул, умерив свой гнев: в конце концов, мы ведь сбежали ради путешествия, а вовсе не для того, чтобы устраивать инспекции на местах.

А вот Фэн Инь, уплетавший за обе щеки принесенное слугой угощение, то и дело украдкой поглядывал на меня с нескрываемым восхищением. Окинув взглядом остальных посетителей на улице, я заметил, что во всех этих взглядах читалось пусть небольшое, но уважение. Я победно усмехнулся: вот оно, благородство настоящего героя цзянху!

Сыжань тихонько рассмеялся и стукнул меня палочкой по лбу:

— Чего это ты расплылся в такой улыбке? Опять замышляешь какие-то глупости.

Обронив победный вид, я помотал головой, глупо хихикнул и снова уткнулся в тарелку.

Раз уж мы задели местного хулигана, оставаться в этом городке дольше было нельзя. Покончив с едой и расплатившись, мы втроём снова двинулись в путь — бродить по свету и познавать то самое цзянху.

Незаметно настала осень. Сыжань облачился в белые одежды, длинные черные пряди его волос были небрежно собраны на затылке, а отдельные прядки то и дело игриво падали на лицо, когда он опускал голову — выглядел он истинным бессмертным небожителем, не лишенным утонченной элегантности.

Фэн Инь во все глаза уставился на леденцы на палочке в руках у разносчика. Он ничего не просил, но смотрел с таким упорством, что мне даже стало неловко. Похлопав его по плечу, я заставил его повернуться ко мне. Встретившись с его темными глазами, я улыбнулся самой безобидной улыбкой:

— Племянник, а ну назови меня дядей, тогда и куплю.

Стоило мне договорить, как Фэн Инь тут же отвернулся. Его детское личико обратилось к Сыжаню, нежные губы капризно дрогнули:

— Братец Сыжань.

Сыжань усмехнулся, торжествующе покосился на меня, сам взял одну палочку с леденцами и протянул Фэн Иню. Глядя на то, с каким аппетитом тот уплетает сладость, я на мгновение остолбенел, чмокнул губами и молча отсчитал серебро.

Подумаешь, попросил назвать себя дядей! Разве это так трудно?..

В пути нам то и дело доходило до слухов, что через несколько дней в соседнем уезде состоится грандиозное собрание мастеров боевых искусств, на котором будут выбирать нового лидера цзянху. На него соберутся все прославленные и сильные бойцы. Разумеется, Сыжань, чья душа была полна жаждой приключений и боевых искусств, никак не мог упустить столь прекрасную возможность! Недолго думая, он увлек за собой меня и Фэн Иня, и мы поспешили в тот уезд, оказавшись в конце концов в здешних краях.

<http://bllate.org/book/21938/2279244>